

толпы, овладевшей тюрьмами, значило бы зажечь гражданскую войну в тот самый момент, когда неприятель находился всего на расстоянии нескольких дней пути от Парижа и единство действий против врага было необходимее, чем когда-нибудь. «Между вами хотят посеять раздор и ненависть и возбудить гражданскую войну», - писало Собрание в прокламации от 3 сентября, приглашая граждан к единению. В данном случае другого средства, кроме убеждения, употребить было нельзя. Действительно, когда посланные от Коммуны пытались помешать убийствам в Аббатстве, в ответ на их уговоры один человек из народа очень справедливо спросил Манюэля: «Стали бы негодяи пруссаки и австрийцы, придя в Париж, разбирать невинных и виновных или же устроили бы массовое избиение?»¹ А другой или, может быть, тот же самый, прибавил: «Это кровь Монморена и компании; мы - на своем посту, возвращайтесь-ка и вы на свой; если бы все те, кому мы поручили отправление правосудия, исполнили свой долг, нас не было бы здесь»². Так понял этот взрыв негодования парижский народ, а с ним и все революционеры.

Как бы то ни было, Наблюдательный комитет Коммуны³, как только он узнал 2 сентября, днем, о результатах миссии Манюэля, издал следующее воззвание: «Именем народа. Товарищи, повелевается вам судить всех без различия заключенных в Аббатстве, за исключением аббата Ланфана, которого вы поместите в верное место. Городская ратуша, 2 сентября» (подписано: администраторы Панис, Сержан).

Немедленно народом был организован временный суд из 12 присяжных, избранных народом, под председательством Майяра, хорошо известного в Париже с 14 июля и 4 октября 1789 г. Подобный же импровизированный суд был устроен в тюрьме Форс двумя или тремя членами Коммуны, и оба эти суда постарались спасти как можно больше заключенных. Так, Майяру удалось выручить Казотта, сильно скомпрометированного⁴ и де Сомбрейля, известного за открытого врага революции. Чтобы добиться оправдания их, Майяр воспользовался присутствием дочерей Казотта и Сомбрейля, добровольно последовавших в тюрьму за своими отцами, а также преклонным возрастом Сомбрейля. Впоследствии, как видно из одного документа, приведенного в факсимиле крайне консервативным писателем Гранье де Кассаньяком⁵, Майяр с гордостью говорил, что спас таким образом жизнь 43 человека. Нечего говорить о том, что «стакан крови», якобы поднесенный дочери Сомбрейля, есть не что иное, как гнусная выдумка роялистских писателей⁶.

В тюрьме Форс также было много случаев оправдания; по словам Тальена, там погибла всего одна женщина - г-жа де Ламбаль. Каждое оправдание встречалось криками: «Да здравствует нация!» - и затем люди из толпы провожали оправданного до дому со всевозможными выражениями симпатии, решительно отказываясь при этом принимать какие бы то ни было деньги от освобожденного или от

---

¹ «Скажите, господин гражданин, разве негодяи пруссаки и австрийцы, если бы они пришли в Париж, стали бы разыскивать виновных? Разве они не стали бы избивать всех, без разбора, как швейцарцы били 10 августа? Я не оратор и никого не усыплю своими речами, но я вам говорю, что у меня есть семья, жена и пятеро детей, которых я оставляю под охраной моей секции и иду драться с неприятелем; но я не хочу, чтобы заключенные в тюрьмах негодяи, которых другие негодяи выпустят на свободу, пришли и задушили мою жену и моих детей» (цит. по: *Felhemesi (Mehee fits)*. Op. cit.).

² Приюдом приводит в своей газете такой ответ человека из народа во время первого посещения Аббатства депутацией от законодательных властей и от муниципалитета (см.: *Buchez B. — J., Roux P. — C.* Op. cit., v. 17, p. 426).

³ Этот Комитет (сменивший 14 апреля прежнюю администрацию и состоявший вначале из 15 человек — членов муниципальной полиции) был преобразован постановлением Генерального совета Коммуны от 30 августа; он состоял теперь из четырех членов — Паниса, Сержана, Дюплена и Журдейля, которые пригласили 2 сентября с разрешения Совета и «ввиду критических обстоятельств и разнообразных и важных дел, которым им приходится заниматься», еще семерых: Марата, Дефорга, Ланфана, Леклерка, Дюрфора, Кайльи и Гермера (*Buchez B. — J., Roux P. — C.* Op. cit., v. 17, p. 405, 433; v. 18, p. 186–187). Мишле, имевший перед глазами подлинный документ, говорит только о шести новых членах; он не упоминает о Дюрфоре. Робеспьер заседал в Генеральном совете. Марат принимал в нем участие «как журналист». Коммуна постановила, что в зале заседаний будет устроена трибуна для одного журналиста — Марата (*Michelet J. Histoire de la Revolution francaise*, v. 1–9. Paris, [1876–1879], v. 8, ch. IV). Дантон старался примирить Коммуну с исполнительной властью Собрания, т. е. с министерством, членом которого он состоял.

⁴ *Millet J.* Op. cit., v. 7, ch. 5.

⁵ *Cranier de Cassagnac A. Histoire des Girondins et des massacres de septembre*, v. 1–2. Paris, 1860.

⁶ *Blanc L. Histoire de la Revolution francaise*, v. 1–3. Paris, 1869, v. 2, 1. 8, ph. II; *Combes L. Episodes et curiosités revolutionnaires*. Paris, 1872; и др.